

ЖОРЕС
АЛФЁРОВ

**ВЛАСТЬ
БЕЗ МОЗГОВ**
КОМУ МЕШАЮТ АКАДЕМИКИ

Жорес Алферов

**Власть без мозгов. Кому
мешают академики**

«Алисторус»

2013

УДК 355/359
ББК 63.3

Алферов Ж. И.

Власть без мозгов. Кому мешают академики / Ж. И. Алферов —
«Алисторус», 2013

Жорес Иванович Алферов – лауреат Нобелевской премии по физике, академик РАН, известен также своей широкой общественной деятельностью. Будучи депутатом от КПРФ Госдумы нескольких созывов, он неизменно отстаивал интересы российской науки и хорошо знал, в каком положении она находится. По его мнению, десять процентов населения России, захватив в свои руки все национальные богатства, мало заботятся о том, чтобы наша страна вышла на передовые позиции в мире. В результате состояние науки в России близко к катастрофическому, тысячи и тысячи талантливых ученых вынуждены покидать Родину, а те, кто остается, работают в тяжелейших условиях. На словах власть заботится о научном потенциале государства, но на деле положение такое, что наукой могут заниматься сегодня только несгибаемые оптимисты. Обо всем этом Ж. И. Алферов пишет в своей книге, делает прогнозы на будущее и предлагает конкретные меры по выводу российской науки из глубокого кризиса. Книга также вышла под другим названием: «Власть без мозгов. Отделение науки от государства».

УДК 355/359

ББК 63.3

© Алферов Ж. И., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Вместо предисловия. Диктатура невежд	6
Часть 1. Разрушение СССР. Какую власть мы получили	8
Десять лет, которые потрясли...	8
Что с нами произошло?	8
Умысел или умопомрачение?	8
Похоронка для страны	10
Либерализм поневоле	10
Горбачев и гэкачеписты	11
Переплатили!	12
Победить разруху в головах	13
Беловежские соглашения и «судьбоносные реформы»	15
Из интервью журналу «Вече»	15
Реформы «сверху» – это контрреволюция	17
Советский Союз эволюционировал в положительную сторону	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Жорес Алферов
Власть без мозгов. Кому
мешают академики

© Алферов Ж. И., 2012

© ООО «Алгоритм-Издат», 2012

Вместо предисловия. Диктатура невежд

В последние годы исполнительная власть не только сводит к минимуму присутствие государства в экономике, но и стремится ликвидировать государственный сектор науки и образования. Много слов произносится об «экономике, основанной на знаниях», инновационном этапе развития, увеличении «результативности» научных исследований, но исполнительная власть действует с точностью до наоборот. Так, в процессе «монетизации льгот» исполнительная власть избавилась от обязательств финансирования науки в размере четырех процентов расходной части бюджета.

Недавно была отменена процедура аккредитации для научных организаций. При представлении законопроекта министр образования Алексей Фурсенко заявил, что научные исследования проводятся не только в научных организациях, но и в инновационных фирмах. По-видимому, он имел в виду многочисленные так называемые консалтинговые и прочие центры, которые в большинстве своем напоминают небезызвестных «портных», оставивших короля голым. Теперь никому не известные фирмочки получают ассигнования из бюджетных средств, выделяемых на науку.

Провокационный материал Сергея Белановского «Оценка состояния Российской Академии наук», сделанный по заказу грэфовского Центра стратегических разработок, прямо призывает ликвидировать Президиум Российской Академии наук, ввести внешний менеджерский совет для управления научной деятельностью. А для «более эффективного использования» материального имущества «большой академии» – создать внешний холдинг, который будет давать оценку эффективности использования недвижимости и приборной базы.

Практически выполнено предложение, сделанное несколько лет назад на заседании Комиссии Правительства РФ по вопросам оптимизации бюджетных расходов со звучной аббревиатурой «КОБРА», – «предусмотреть исключение из законодательства положения о доле расходов на науку в общих расходах федерального бюджета». Активно проводится акционирование с последующей продажей акций значительной части отраслевых государственных научных организаций, «осуществляющих научные исследования по направлениям, не входящим в список приоритетных направлений развития науки, технологий и техники и критических технологий», утвержденных Президентом РФ.

Намечена подготовка к выведению из состава академического сектора организаций, которые, по мнению «стратегов», «не занимаются фундаментальными исследованиями». В РАН недоумевают над намерением вывести организации научного обслуживания, а в РАМН – исключить из состава академии экспериментальные клиники.

В выступлениях ряда министров можно услышать очень любопытные пассажи о нецелесообразности внутреннего инвестирования в развитие промышленности и аграрного сектора появившихся дополнительных газонефтедолларовых доходов, потому что это якобы приведет к повышению инфляции. Об этом первыми заговорили Алексей Кудрин и Герман Греф, затем эти позиции озвучил вице-премьер Алексей Жуков.

При этом Герман Греф многократно заявлял о необходимости создать привлекательный инвестиционный климат для иностранных инвестиций. Логика министров-капиталистов проста, как медный пятак. Если заказывать технологическое оборудование в России, то это будто бы приведет не к созданию новых рабочих мест, а только к повышению зарплат действующему персоналу, то есть якобы вызовет инфляцию, хотя персонал уже сократился в разы.

Тогда давайте хотя бы закупать новое высокотехнологичное оборудование за рубежом на «избыточные» газонефтедоллары! Ясно, что если произойдет обрушение фондового рынка США, может произойти обесценивание российских денег в результате дефолта или заморажи-

вание счетов в случае, если наши политики станут проявлять излишнюю самостоятельность. Плакали тогда наши денежки!

Из всего этого можно сделать только один неизбежный вывод: недальновидная политика нынешней российской власти ставит под угрозу существование не только отечественной науки, но самой России как суверенного государства.

*Владимир Бабкин,
эксперт Государственной Думы*

Часть 1. Разрушение СССР. Какую власть мы получили

Десять лет, которые потрясли...

Статья Ж. И. Алферова для «Литературной газеты»

Что с нами произошло?

... На вопрос о том, что именно с нами произошло за эти годы, ответил английский журналист Пол Хлебников в книге «Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России». Цитирую по русскоязычному изданию: «Превращение России из мировой сверхдержавы в нищую страну – одно из самых любопытных событий в истории человечества. Это крушение произошло в мирное время всего за несколько лет. По темпам и масштабу этот крах не имеет в мировой истории прецедентов».

В его объемном, хорошо документированном исследовании заслуживают внимания две таблички, в которых сравниваются колонки цифр. Первая таблица приводит к убийственному выводу: шесть промышленных гигантов («Газпром», РАО «ЕЭС», «Лукойл», «Ростелеком», «Юганскнефтегаз», «Сургутнефтегаз») были распроданы на ваучерных аукционах в 20 раз дешевле их рыночной стоимости. Вторая свидетельствует о том, что чистым надувательством были и последующие залоговые аукционы, в частности, по продаже акций нефтяных компаний – их стоимость на рынке была в 18–26 раз выше уже через полтора года.

В героях этой эпопеи не один Березовский. Высвечиваются такие фигуры, как Чубайс, Кох, Гусинский, Ясин... Журналиста поражает, что многие из ельцинского правительства говорили о своей стране с таким хладнокровием и отстраненностью, что можно было подумать – речь идет о чужом государстве. Не удержусь от еще одной цитаты: «Чудес не бывает. Эта страна должна выпить чашу до дна... Японцам и немцам после Второй мировой войны было проще, потому что у них была просто разрушенная промышленность, была оккупационная власть и уже многое было сделано для того, чтобы расчистить почву и начать сначала, – сказал мне Евгений Ясин. – Россия, к сожалению, не находится в такой ситуации».

Понимаете? Тогдашний министр экономики сожалеет, что Россия обошлась без оккупационных властей и ее промышленность еще не до конца разрушена! Разумеется, можно говорить на западный манер: «в этой стране» и вполне искренне желать ей добра. Но когда американец говорит о своей стране: *this country*, это означает «в нашей стране», а наши реформаторы буквально переводили с английского на русский, не понимая, что при этом меняется смысл. Я бы сказал, они и конспекты реформ механически переводили с английского.

Умысел или умопомрачение?

Думаю, в июле 1991 года наша страна была уже в очень тяжелом состоянии, симптомы которого становились все очевиднее, – не зря за июлем последовал август. На меня произвел тягостное впечатление уже I Съезд народных депутатов СССР. Тогда в интервью Рудольфу Свореню, заместителю главного редактора журнала «Наука и жизнь», я сказал, что любая международная конференция, научный конгресс готовились и проводились нами гораздо лучше, чем этот съезд. Не знаю, то ли его специально пустили на самотек, то ли это было всеобщее помрачение, но лично я был крайне расстроен тем, что он представлял собой сплошное самобичевание, непонятно зачем, чего ради? Этот настрой ощущался уже в ходе заседания парт-

группы съезда: как тогда полагалось, до начала съезда всех членов партии собрали в зале заседаний Верховного Совета СССР. Зал был набит депутатами, когда я пришел, внизу все места были уже заняты, я оказался на балконе рядом с шахтером из Воркуты по фамилии Курочка или Курочкин, он потом выступал несколько раз. И когда Горбачев начал вести это собрание, то поднялся крик, свист – коммунисты орали чуть ли не «долой!», топали ногами... Я удивленно смотрел и думал: куда я попал? И сам съезд проходил примерно в том же стиле.

В период 1989–1991 годов очень быстро нарастал экономический кризис. Именно в то время появились пустые полки в Москве и в Ленинграде, чего в наших столицах не было все послевоенные годы. Принято говорить о перекосах в экономике. Да и у промышленности, и у науки был заметный, иногда неоправданно раздутый военный флюс. Но при этом в стране была построена мощная индустрия, имелся ряд серьезных технологических прорывов, разработок, которые используются по сей день. Был создан огромный научно-технический потенциал, особенно в области естественных наук – физики, химии. Биология начала бурно развиваться после известного печального периода. Более того, в стране был средний класс, о необходимости создания которого так любят рассуждать реформаторы, – научные работники, учителя, врачи, инженеры, квалифицированные рабочие, агрономы. Это часть общества, которая реально создает все его богатства. Наверное, на нее и нужно было делать основную ставку, развивая народное хозяйство, а не гнаться за мифами об «эффективном собственнике».

Ведь это же миф, что форма собственности порождает эффективную экономику, – зависимость тут вторична. Собственник является эффективным в экономическом плане, как правило, в малом и среднем бизнесе. Наверное, стоило провести приватизацию в сфере торговли, обслуживания, малого бизнеса, но приватизацию совершенно честную: есть у тебя деньги – покупай, нет – работай, накапливай. Миф, что общее – это ничье. Подавляющее большинство граждан как на Западе, так теперь и в России – это наемные работники. Разве с появлением у нас крупных собственников, так называемых олигархов, экономика стала развиваться? Разве компании, которыми завладели Березовский, Потанин, Ходорковский, стали работать эффективнее, чем когда они были государственными? Нет и еще раз нет.

Обобществление собственности в индустрии, в наукоемких отраслях происходило во всем мире, но пионером был Советский Союз. И точно так же мы забежали вперед, создавая отраслевое управление экономикой на основе профильных министерств. Каждое в принципе было эквивалентом транснациональной компании, в рамках которой могла развиваться наука от фундаментальной до прикладной. То есть наука была востребована экономикой. В старых структурах происходили эволюционные изменения: появились государственные концерны «Технохим» и «Энергомаш», в системе профильных министерств возникали крупные научно-производственные объединения. Зачем же было все это крушить?

С моей точки зрения, популяция молодых реформаторов вольно или невольно решала прежде всего политическую задачу – ликвидировать Советский Союз и советскую власть. Но даже если отвлечься от политики в пользу любимой реформаторами экономики, то нельзя не видеть: ликвидация СССР сразу отбросила страну в экономическом отношении на десятилетия назад. Это реальность, остальное – мифы. Как они нам внушали: надо пройти стадию накопления капитала. Горько и смешно, что в конце XX века из-за пристрастия к каким-то мифам Россия должна погружаться в пучину дикого, бандитского капитализма.

Не хочу утверждать, что «агенты империализма» в лице Гайдара, Чубайса и их приспешников развалили экономику, а заодно и Советский Союз, руководствуясь полученными в ЦРУ инструкциями. Скорее, проведение ими реформ в начальной стадии было проявлением крайнего идеализма. Они взялись за дело, не имея для этого ни опыта, ни знаний, но с большой внутренней самоуверенностью, а дальше определенно появился и корыстный интерес в ходе преобразований, когда в том числе и они обогащались. Вообще говоря, корысть присуща

людям биологически. И на этом в значительной мере строилась идеология реформ, мол, у каждого появится стимул. Но вот условия для обогащения были предоставлены только избранным!

Бывший средний класс – миллионы инженеров, научных сотрудников, заводских специалистов – лишился привычной сферы деятельности, превратился в челноков, занялся мелким бизнесом и спекуляцией с одной целью: свести концы с концами. В России резко выросла смертность, и не по демографическим причинам, как нам пытались внушить, а вследствие реформ и сокращения срока жизни. Таким образом, обвинение Ельцина в геноциде русского народа в рамках импичмента было абсолютно справедливым. Мало того, что россиян стало меньше, – ухудшилось и качество населения (что характерно и для американцев, правда, в гораздо меньшей степени), имея в виду круг интересов, творческий потенциал, креативные способности. Всеобщий меркантилизм разъедает души людей. Для десятков миллионов людей главной стала проблема выживания, какого-то животного существования. Поистине удручающий итог...

Похоронка для страны

Когда перед импичментом в Думе обсуждался вопрос о развале СССР, то защитники Ельцина говорили, что СССР и так уже был развалиной, неизбежное все равно бы свершилось. Да, ситуация была тяжелой, но, простите, почему вы считали нужным ускорять этот процесс, а не бороться за сохранение Союза? Был же референдум 17 марта 1991 года, когда 76 процентов населения страны высказалось за сохранение Союза. Нам внушалась мысль о том, что, избавившись от остальных республик, Россия будет жить лучше. Из чего это следовало? Кто выиграл от того, что нас разрезали? Появление новых независимых государств обернулось бедой для десятков миллионов наших соотечественников.

Американские советники работали в аппаратах Гайдара и Чубайса. Администрация Клинтона была в тесном контакте с ельцинской и, безусловно, поддерживала ее. Реформаторы пытались привить американскую экономическую модель на российской почве. Взаимная тяга наших народов имеет многолетнюю историю, у нас много общего в ментальности, но мы – разные... И все же, что бы ни предлагали и ни делали американцы, мы должны винить сами себя. Решения принимались нашим руководством и поддерживались населением на референдумах путем опросов. Возможно, это провоцировалось, фальсифицировалось, но опять же нами самими.

Вместе с тем американская общественность уже приходит к пониманию, что «ликвидационная политика» администраций Рейгана и Буша-старшего в отношении СССР была ошибочной. Они радовались Беловежским соглашениям, поскольку избавлялись от очень сильного соперника. Но пройдут годы, и политическое руководство США тоже поймет, что для Америки и для планеты в целом разрушение Советского Союза было весьма нежелательным как долгосрочный дестабилизирующий фактор. Что сохранить единый Советский Союз как державу с крепнувшей демократией и развивающейся экономикой было в интересах не только нашего населения, но и народов мира.

Либерализм поневоле

Своих взглядов я никогда не скрывал. Считал и считаю лозунг «от каждого по способностям – каждому по труду» воплощением социальной справедливости. Что такое социалистическая идеология, в конечном счете? Это социальные гарантии для населения: бесплатное образование и медицина, достойные пенсии, льготы и блага в коммунальном обслуживании. А происходящее сегодня толкает меня стать либералом. Потому что государственным можно быть, когда государство заботится о своих гражданах. Но если гражданина заставляют платить

за образование и медицинское обслуживание, пенсию накапливать из собственных средств, жилье и коммунальные услуги оплачивать полностью, по рыночной цене, то зачем мне такое государство?! С какой стати я должен еще платить налоги и содержать безумную армию чиновников? Я всегда на всех уровнях говорил, что здравоохранение, образование и наука должны обеспечиваться из бюджета. Если государство сваливает эту заботу на нас самих, пусть исчезнет, нам будет гораздо легче!

Только что я был в Сингапуре. Маленькая страна, 760 квадратных километров. Прочитал лекцию в тамошнем университете, посетил несколько научных центров. Мне показали Институт микроэлектроники, Институт развития средств хранения и отображения информации численностью по двести человек, бюджет каждого – 25 миллионов долларов. На 90 процентов он состоит из государственных средств, и лишь 10 процентов составляют отчисления от промышленности. Не скрывая зависти, я спросил: «Почему только 10 процентов, это ведь прикладные институты?» И услышал в ответ как нечто элементарное: «Мы развиваем перспективные технологии. Промышленность прямо платит за то, что ей нужно сегодня, за разработки завтрашнего дня платит государство».

А у нас реформаторы выкинули лозунг, что даже фундаментальная наука должна сама себя финансировать. В результате не только катастрофически упало финансирование науки, но и вследствие разрушения наукоемких отраслей промышленности не востребованы достижения сохранившихся лабораторий. Сегодня я бьюсь над возрождением отечественной электроники. Потому что она была, есть и на ближайшие 30–40 лет останется движущей силой развития всех отраслей промышленности, всей экономики, в том числе ее социальной сферы. Рассуждать о том, что мы компьютеры купим, чипы купим, значит обрекать себя на роль придатка технологически продвинутых стран! Не так давно один депутат с думской трибуны пустился в рассуждения о том, что в условиях дефицита средств надо развивать те отрасли, где мы конкурентоспособны, а электроника к их числу не относится. Это заблуждение граничит с невежеством. Да и как мы можем «безнадежно отстать», если у нас есть кадры, которые нарахват в ведущих западных лабораториях, если, уж извините, Нобелевская премия по электронике, по информационным технологиям присуждена российскому ученому?!

До 50 процентов бюджета многих американских компаний составляют средства из казны, поскольку они работают на стратегически важных направлениях. Если бы та рыночная модель, которую культивируют в России господа Гайдар, Чубайс и их последователи, не дай бог, внедрялась 40–50 лет назад – сегодня у нас не было бы ни космоса, ни электроники, которую все-таки удалось создать, ни науки, которую мы пытаемся сохранить, а была бы в полном смысле животная жизнь.

Горбачев и гэкачеписты

Александр Ципко пишет: «Теперь очевидно, что победа ГКЧП все же дала бы большинству народа куда больше, чем победа «демократической России». Валентин Павлов и Владимир Щербаков все же провели бы назревшие рыночные реформы с большим знанием дела и реальной советской экономики, чем бывшие «завлабы и СНС», занявшие кабинеты на Старой площади».

Для меня это не очевидно. Не только потому, что история не знает сослагательного наклонения. Просто еще не забыт обмен денег, который в народе назывался «павловским» и для всех стал шоком еще до шоковой терапии. На меня он произвел тягостное впечатление еще и потому, что был объявлен в 9 вечера в программе «Время», а за два часа до этого глава государства президент Горбачев давал по телевидению интервью иностранным журналистам по вопросам разоружения, но ни словом не обмолвился о ждущем страну катаклизме. Если глава государства не считает нужным в трудный момент объясниться с гражданами, это озна-

чает одно: ему плевать на их интересы. Поэтому, когда Гайдар отпустил цены и разом обеспечил вклады населения, для меня это было продолжением павловских «реформ» с их наплевательским отношением к своему народу.

Если говорить о ГКЧП, мы и по сей день не знаем всех тайных пружин этого заговора. Для очень многих в то время Горбачев олицетворял положительные перемены в жизни страны. Но, думаю, не все понимали, что готовившееся им подписание союзного договора тоже в определенной степени хоронило Союз, что ГКЧП был результатом серьезных разногласий как раз по этому вопросу. Гэкачеписты в полной мере проявили свою бездарность, и у меня нет сомнений: если бы они удержали власть, Михаил Сергеевич вернулся бы из Фороса и возглавил страну.

Так что вряд ли Павлов и Щербаков провели бы реформы лучше, чем «молодые завлабы», – может, реформы пришлось бы проводить совсем другим людям, но я согласен с Ципко, что победа ГКЧП означала бы сохранение советской системы, а значит, и основ социализма в стране. А если так, то – да, лучше, если бы она состоялась.

Переплатили!

Очень многое из случившегося с нашей страной зрело в недрах прежней системы. Не случайно во главе новых государств после Беловежской Пущи оказались в основном члены московского политбюро и секретари ЦК союзных республик. Трудно представить себе, чтобы люди в 55–60 лет и старше вдруг осознали всю «порочность» социалистической системы или «имперскую» сущность СССР. Истина в том, что эта система, к сожалению, приводила к власти людей, для которых интересы собственной карьеры значили гораздо больше, чем что-либо другое. Их девизом было: власть – любой ценой. Неужели тому же Борису Николаевичу неясно было, к чему приведет Беловежский сговор? Но для него важнее было сместить Горбачева и попасть в Кремль.

На мой взгляд, научные работники, вообще интеллигенция – всегда в душе диссиденты. Нам очень многое не нравилось и в той советской системе. Но, простите, вот эта публика, престарелые партийные бонзы – они же были не диссидентами, а настойчивыми проводниками той политики, которая привела СССР к роковой черте. Это они опорочили прекрасную по своей сути социалистическую идею.

Советская власть обидела миллионы людей, но по своей природе это была власть народная. Советы были рождены в 1905 году самим народом, их не придумал Ленин или Сталин, они возникли из движения масс против реального угнетения. Конечно, у этой власти была масса ошибок и прямых преступлений, но нужно учитывать одну вещь: при всех отрицательных моментах это была первая более-менее удачная (потому что продолжалась 70 лет) попытка создания государства социальной справедливости. И еще: не народы, а политическое руководство многих стран безумно боялось нашего примера. Мы действительно жили в капиталистическом, весьма недружелюбном, если не враждебном, окружении и вынуждены были наращивать свой военный «флюс». Оценивая свою историю, нужно чувствовать себя в то время и в тех поколениях.

Мой коллега академик Виталий Гинзбург говорил в «ЛГ» о чудовищной несвободе, отягчающей вину коммунистического режима. Научные работники ощущали ее, в частности, в жесткой дозировке международных обменов. Но окупаются ли понесенные за последние 10 лет потери той свободой, которую мы сейчас обрели? Помните, у Окуджавы: нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим. Но если победа в Великой Отечественной, за которую народ заплатил страшную, невозполнимую цену, была действительно одна на всех, на всю страну, то плоды нынешней «победы» каждый воспринимает по-своему. За что боролись – за демократизацию? Но, если взять за точку отсчета сталинские времена, постепенно проис-

ходила эволюция государства в сторону демократизации. Уж, во всяком случае, в последние горбачевские годы проблема «съездить за границу» была снята.

Променять несовершенный, бюрократический, но социалистический строй, в котором пусть с дефектами, но все же реализовывались гуманистические принципы, на сомнительную свободу жить в условиях дикого капитализма, олигархии, ограбившей миллионы людей, государство ограбившей, – значит согласиться на несоизмеримую, катастрофическую цену. Заплатив ее, Россия отброшена территориально к допетровским временам, экономически – в разряд слаборазвитых стран (Советский Союз по ВВП находился на 2—3-м месте в мире, Россия сейчас – на 67-м, по доле ВВП на душу населения мы были на 13—15-м месте, сегодня на 95-м среди африканских режимов). И это плата за то, что, постояв в очереди, ты можешь получить иностранную визу?

Победить разруху в головах

Пол Хлебников считает, что, скорее всего, эра саморазрушения в России все-таки завершится и страна предпримет трудную попытку все построить заново.

Успех этой попытки, с моей точки зрения, в первую очередь зависит от политического руководства страны. Ключевой вопрос: возьмет ли оно курс на возрождение, а затем и развитие наукоемких отраслей промышленности? Допускаю, что сузу со своей колокольни, но убежден, что только прогресс в этом направлении даст возможность десяткам миллионов людей заниматься интереснейшим интеллектуальным трудом за достойную плату, а стране – свернуть с сырьевого пути на инновационный. Для этого нужно, чтобы миллионы россиян учились, осваивали современные технологии, знали компьютер, а не суетились с мелочными подсчетами: здесь я продам на столько, а заработаю столько. Да, без коммерции нельзя, но, как известно, рынок есть механизм обратной связи производителя и потребителя, не более того. И механизм этот должен включаться, регулироваться, работать прежде всего на возрождение мощной наукоемкой индустрии.

Но, по наметкам федерального бюджета, которые я видел, доля расходов на науку снова снижается! Как директор, как вице-президент РАН я непрерывно натываюсь на барьеры и рогатки, которых не должно быть в природе, трачу силы и энергию на борьбу с ветряными мельницами, причем деятели Минфина и прочих чиновных контор убеждены, что они реформаторы, а я – замшелый консерватор. И пишут статьи о том, что Академия наук должна реформироваться по их сценарию.

Честно скажу: я со всем своим авторитетом не могу победить разруху в их головах. Вот у нас в Физико-техническом институте появился НОЦ (научно-образовательный центр), появился лицей, мы говорим о создании академического исследовательского университета в Санкт-Петербургском научном центре. Это и есть реформы, которые рождаются жизнью, задача реформаторов – увидеть и поддержать ростки нового, а не насаждать придуманные в их головах схемы.

В молодые годы, когда я только начинал работы по гетероструктурам (впоследствии отмеченные Нобелевской премией), в них не слишком верили ни заведующий моей лабораторией, ни руководство института. Но меня всегда поддерживал замдиректора Борис Александрович Гаев, давний соратник легендарного Анатолия Петровича Александрова. Почему – для меня долгое время оставалось загадкой. Когда же я в минуту откровенности спросил Гаева, чем вызвано такое доверие, он ответил: «Жорес, я не разбираюсь в твоих гетероструктурах, но знаю, что ты сделал ДО этого».

Принцип подбора кадров на самом деле прост: ты показал, что ты можешь, у тебя есть новые идеи, – продолжай действовать на более высоком уровне. И если этот принцип реализуется, мы получим совершенно иное качество организации жизни страны.

2001 г.

Беловежские соглашения и «судьбоносные реформы»

Из интервью журналу «Вече»

– *Жорес Иванович, не так давно мы и подумать не могли, что народы Страны Советов окажутся гражданами разных государств. Как вы восприняли то, что произошло в Беловежской Пуще?*

– Убежден, что разрушение Советского Союза было, есть и надолго останется самой большой трагедией XX века, прежде всего для народов бывшего СССР. От этого выиграла небольшая кучка партократов-плутократов и национальные элиты, возглавившие созданные на основе союзных республик новые государства. Подавляющее большинство населения оказалось обмануто и сегодня влачит жалкое существование, еле сводя концы с концами.

Единственное исключение – моя родная Беларусь. Там нет проблем на национальной почве, между русскоязычным населением и так называемой титульной нацией, как, например, в Прибалтийских республиках. В многонациональной белорусской семье все живут в мире и согласии. Беларусь – хороший пример для всех бывших союзных республик.

Я туда часто еду. Там живет мой народ, я люблю эту республику. Иногда еду на своей машине, сам за рулем, из Питера в Витебск, я там родился, по Киевскому шоссе через Псковскую область. Еду и наблюдаю. Середина августа. Под Псковом поля заросли сорняком и бурьяном, ни одного человека не видно. Пересекаю границу, въезжаю на Витебщину. Перед глазами совсем другая картина: народ ударно трудится, сельскохозяйственная техника бороздит поля, колхозники убирают урожай.

Это самое большое достижение на всем постсоветском пространстве: люди живут, не боясь, что их сыновей убивают в горячих точках, понимая, что могут решать проблемы с помощью собственного труда, и зная, что республика его ценит. Беларусь, думаю, как ни одно другое государство на постсоветском пространстве сохранила социальные достижения советской эпохи, а самое главное, следует принципу «от каждого по способности, каждому по труду»...

Слов «титульная нация» в Беларуси я никогда не слышал. Там два государственных языка. В книге лекций Александра Григорьевича в Белорусском университете, которую он мне прислал, я прочитал, что один из студентов спросил его, почему в Беларуси, суверенном государстве, два государственных языка. Президент ответил так: «Мы очень долго жили вместе, за эти долгие годы мы, белорусы, внесли очень много в русский язык. Это наше общее богатство, и терять его нам ни в коем случае нельзя». Отвечая на вопрос о языке, Александр Лукашенко, думаю, ответил на самый главный для бывших народов СССР вопрос: мы долгое время жили вместе, были дружной семьей и многое нажили. Терять наше общее богатство никоим образом нельзя.

– *Последнее время Россию сотрясает череда реформ: в области здравоохранения, образования, науки. Каких результатов нам от них ждать?*

– Думаю, белорусы от своих реформ получают больше пользы, чем россияне от своих. Ведь, затеывая преобразования, правительство прежде всего должно думать об улучшении в той или иной сфере. А у нас реформы зачастую проводят только для того, чтобы заявить об этом во всеуслышание. Если же копнуть глубже, то окажется, что в результате очень маленькая группка лиц стала еще богаче, а экономике лучше не стало. Боюсь, что в области образования и науки мы тоже потеряем больше, чем приобретем.

Что касается Беларуси, то многие зарубежные и наши проплаченные СМИ внедряют в сознание общественности мысль о том, что белорусский президент якобы против рыночной экономики. Я в корне с этим не согласен. Однажды я беседовал с Александром Григорьевичем

о платном и бесплатном образовании. И вот что он мне сказал. Республика обеспечивает бесплатное образование для нужного ей количества специалистов. Но если сегодня в силу тех или иных малопонятных причин есть много желающих получить образование в области юриспруденции, специфических областей менеджмента, а страна в таком количестве таких специалистов не нуждается, они будут учиться за деньги.

Вполне разумный подход. Думаю, такой же разумный подход у белорусского президента и к частным предприятиям: он никогда не противится их появлению, если они куплены по нормальной цене и с нормальной перспективой работы, а не за бесценок и для дальнейшей продажи, что, к сожалению, мы имеем в постреформенной России и бывших союзных республиках.

2001 г.

Реформы «сверху» – это контрреволюция Интервью «Российской научной газете»

– *Есть ли у вас сейчас возможность влиять на политику государства в области науки?*

– Очень незначительно. В частных вопросах: поддержать программу, добиваться несколько большего финансирования каких-то направлений... Сегодня любыми средствами надо добиваться, чтобы основой экономики становились наукоемкие отрасли промышленности. Потому что даже если нам увеличат зарплату, добавят денег на проведение тех или иных исследований, а наши результаты не будут востребованы у себя в стране, – с течением времени фундаментальная наука, даже не связанная напрямую с промышленностью, погибнет...

– *К вопросу о влиянии и возможностях. Говорят, что Путин предлагал вам баллотироваться на пост президента Академии наук.*

– Нет. Не предлагал. Это ошибка.

– *А коллеги?*

– Коллеги – да.

– *Почему вы отказались?*

– По очень многим причинам. Я уже пожилой человек. Работа президента очень тяжелая. Это огромная ответственность. Плюс ко всему мне пришлось бы бросить все, ранее начатое: мой институт, мой лицей, мою кафедру, мой факультет, Санкт-Петербургский научный центр...

– *Сколько у вас должностей?*

– Много. Зарплатных – две. Я получаю зарплату в Госдуме и как вице-президент Академии наук. Все остальные должности – на общественных началах.

– *Помощников в Думе много? Сколько из них на зарплате?*

– Как и полагается, пять. Я состою во фракции КПрФ, и один помощник мною отдан фракции, я его не касаюсь. Остальные четыре – один целиком в Думе, помощница в академии, в Физико-техническом институте и мой советник в академии. В немалой степени все они заняты и моими депутатскими делами в Думе.

– *Чем закончилась история с вашим заявлением о снятии полномочий председателя подкомитета по науке?*

– Как чем? Я снял с себя эти полномочия. Считал и до сих пор считаю те события в Думе вопиющим безобразием. Я вообще не впутывался ни в какие политические дискуссии. Ни когда я был в «Нашем доме – Россия», ни в КПрФ. Всегда держался в стороне от этих дел. Считал, что моя забота – наука и образование. И в КПрФ я ушел потому, что все предложения по науке и образованию КПрФ поддерживала, а «Наш дом – Россия» голосовала против. Ну зачем мне состоять во фракции, которая голосует против?

Но когда началась эта возня вокруг председателей комитетов, я разозлился. Они заявили, что была чисто политическая акция. Такой политический шаг, чтобы утопить всех коммунистов. При этом никто не хотел рассматривать вопрос по делу: кто нормальный председатель, работает, а кто нет. И поэтому я вышел на трибуну сказать: ежели вы считаете, что был сговор «Единства» и КПрФ, так выгоняйте и тех и других. По логике, если вы за справедливость, то выгоняйте и председателей «Единства», и КПрФ. Вы так не делаете.

Давайте посмотрим: Маслюкова меняете на Шаккума – это Комитет промышленности, строительства и энергетики. Маслюков прекрасно всем владеет, он высококвалифицированный профессионал в этой области. А кто такой Шаккум, мы не знаем. Меняете Глазьева – одного из лучших экономистов страны, безусловно, самого молодого члена академии – на бизнесмена Томчина. Что он будет делать в этой части? Меняете Мельникова, который профессионал в образовании, на Шишлова, который абсолютно в этой области неизвестен...

Вот что я им сказал. А они стали орать, топать. Каким-то крайне небольшим большинством голосов мне дали слово.

– *Не напомнила ли эта атмосфера первый съезд народных депутатов?*

– Да нет. Первый съезд народных депутатов был, с одной стороны, идиотский. Но, с другой стороны, как говорится, у всех накопело. Хотя он абсолютно не готовился. Я помню, что приехал с первого съезда крайне разочарованным. Для «Науки и жизни» дал тогда короткое интервью. Сказал, что любой семинар, любая конференция готовится нами гораздо лучше, чем этот съезд.

– *Может быть, просто карты смешали его организаторам?*

– Может быть, но это другой вопрос.

– *Вы говорите: мой Петербург, моя школа, мой лицей, мой научный центр, мой институт. У вас нет других аргументов, почему вы не хотите быть президентом Академии наук, кроме этих ваших предпочтений?*

– Повторяю: я все-таки для этого дела уже стар. Пример, который приводили мне мои коллеги с Анатолием Петровичем Александровым, это не тот пример. Тогда были совсем другие времена. И потом, Анатолий Петрович уже давно уехал из Питера в Москву. И он уже давно работал здесь. Ему по этой части ничего не нужно было менять. А мне предлагали поменять все в моей жизни, и с неизвестным, как говорится, результатом. Если бы я был уверен, что, сделав это, я смогу сделать много хорошего для академии, я бы еще взвешивал... Но я не был в этом уверен.

– *А вообще, на ваш взгляд, какие необходимы перемены в Академии? Ведь в отношении академического сообщества есть определенные ожидания и со стороны власти, и со стороны общества. Что, на ваш взгляд, разумно? Что могла бы делать Академия, а не делает, в силу каких-то причин? Как вы оцениваете ситуацию изнутри?*

– Это тяжелый очень вопрос.

– *Вы ведь возражали против реорганизации, укрупнения отделений?*

– У меня к любым реформам, в том числе в науке, в жизни, отношение очень простое. Обычно, к сожалению, все изменения ведут к худшему – когда мы их проводим вот так, после «наката» сверху. Один из моих знакомых хорошо сказал, что когда реформы проводятся сверху – это контрреволюция, а когда снизу – это революция.

2002 г.

Советский Союз эволюционировал в положительную сторону Поединок на телевидении с В. Познером (программа «Познер»)

В. Познер: Добрый вечер. В эфире программа «Познер», гость программы сегодня – академик Российской Академии наук, лауреат Нобелевской премии по физике Жорес Иванович Алферов. Добрый вечер.

Ж. Алферов: Добрый вечер.

В. Познер: Мы начинаем всегда программу с vox populi. Первый вопрос с сайта, Сергей Сергеевич Шадрин. Он спрашивает: «Что вы чувствовали в тот момент, когда узнали, что стали лауреатом Нобелевской премии?»

Ж. Алферов: Это была, конечно, очень большая радость. Это случилось 10 октября 2000 года, и мне моя помощница сказала, телефон у меня в кабинете был занят, что звонит Шведская академия наук и просит меня к телефону. И первая мысль такая: сегодня вторник, а обычно Нобелевские премии присуждаются по средам. С этой мыслью я подошел к телефону, и главный ученый секретарь королевской нобелевской академии сообщил мне, что я – лауреат Нобелевской премии.

В. Познер: Хорошо. Давайте посмотрим на экран, сейчас будет вопрос с улицы.

Зритель: Здравствуйте, Жорес Иванович. Хотелось бы узнать: Нобелевскую премию, которую вы получили, вы отдали институту, который вас воспитал, на науку, продвижение России или оставили ее себе? Спасибо.

Ж. Алферов: 1/3 Нобелевской премии я отдал в фонд, который был создан для поддержки образования и науки.

В. Познер: России?

Ж. Алферов: Да, он сейчас называется Алферовский фонд поддержки образования и науки. Я сначала хотел просто эти деньги отдать научно-образовательному центру, который был незадолго до этого мною создан. Но мой сын Ваня сказал мне: «Нашему научно-образовательному центру нужно вообще... Твоей Нобелевской премии не хватит никоим образом. Давай лучше создадим фонд, и туда еще и другие дадут деньги, и этот фонд будет использоваться для поддержки и развития образования и науки».

В. Познер: Александр Яковлевич Аникиевич спрашивает: «Моральные, нравственные принципы коммунизма и православной религии наиболее близки по духу. Моральный кодекс строителя коммунизма и божьи заповеди – почти одинаково звучат по тексту. В годы Великой Отечественной войны именно Иосиф Виссарионович Сталин принял решение об образовании на территории нашей страны единственного до сих пор завода по производству атрибутики православной церкви. Почему в настоящее время проводится политика несовместимости коммунистической идеологии и православной религии?»

Ж. Алферов: Это вообще вопрос не простой для меня, конечно. Я как-то, шутя, говорил, что Иисус Христос был основателем первой коммунистической партиячки в Иерусалиме. Действительно, все это так. Но есть и некоторая разница. Потому что коммунистическая идеология совпадает во многом с христианской и с православной, но вместе с тем эта идеология основана на некоей научной теории, на принципах научного социализма и научного коммунизма. Ну и дальше мы уйдем вообще в область «Наука и религия», и об этом можно очень долго говорить – наука основана на знании, религия на вере.

В. Познер: Хорошо. Пожалуйста, посмотрите на экран – довольно любопытный вопрос.

Зритель: Уважаемый Жорес Иванович, я бы очень хотел знать: как вам живется сегодня в этой стране? Что вы чувствуете, что ощущаете? Нет ли у вас желания уехать отсюда куда-нибудь подальше?

Ж. Алферов: Живется в этой стране, безусловно, сегодня очень непросто. Материально, в общем, я живу совершенно нормально, потому как и Нобелевская премия, и многие другие международные премии. Но живется, конечно, очень тяжело. Что касается уехать – я как-то, шутя, сказал, что Россия – страна оптимистов, потому что пессимисты все уехали. И я отношусь к оптимистам, потому что я считаю, что у России будущее, безусловно, есть. И нужно за это будущее бороться.

В. Познер: Желания уехать у вас не было никогда?

Ж. Алферов: Желания уехать не было никогда, даже в очень тяжелые времена, в начале 1990-х, когда мне делались очень выгодные с материальной точки зрения предложения. Вообще, первое предложение работать в США я получил в 1971 году.

В. Познер: А что это было за предложение?

Ж. Алферов: Я полгода был в США, у нас было очень хорошее соглашение о научном обмене между Академией наук СССР и Национальной Академией наук США. И согласно этому соглашению я полгода был то, что называлось, *visiting-professor* в Иллинойском университете.

В. Познер: В Иллинойском?

Ж. Алферов: Да, в Урбане, в Урбана-Шампейне я работал вместе с моим старым другом профессором Холоньяком. Согласно этому соглашению, последний месяц я объезжал США, посещая массу различных лабораторий. В это время американская наука переживала очень, я бы сказал, тяжелый период. Потому что Никсон вдруг объявил, что фундаментальная наука сделала так много открытий, что нам нужно сейчас заниматься только их приложениями. И поэтому были резко сокращены ассигнования на фундаментальные исследования, и началась безработица в американской науке. И я как раз приехал в такой университет, южнокалифорнийский университет в Лос-Анджелесе, сделал доклад на семинаре. И после семинара декан физического факультета профессор Шпитцер позвал меня на ланч, и еще были профессора, и он сказал примерно следующее: «Вы знаете, что сейчас происходит в нашей науке? И сегодня для нас чрезвычайно важны исследования, которые вы ведете – фундаментальные базовые исследования, которые дают массу приложений. Поймите, здесь нет никакого политического бэкграунда, но я передаю вам предложение нашего ректора пойти к нам на работу на 3–5 лет. Лучше на 5. Ну если по каким-либо причинам...» В это время средняя зарплата профессора США, полного профессора, была 25 тысяч долларов, и по поручению ректора он мне предложил 50.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.